

В конце августа 1917 года Россия пережила глубокое политическое потрясение, во многом определившее дальнейшую её судьбу, потрясение, которое впоследствии назовут Корниловским мятежом. Страну потряс второй за два последних месяца мятеж, причём мятеж генерала Корнилова стал гораздо более масштабным и судьбоносным событием, чем анархистско-большевистский бунт в июле, подавленный войсками генерала Половцева, тогда командующего Петроградским военным округом. Стоит немного напомнить о предшествующих событиях. Это необходимо, чтобы понять политическую картину, сложившуюся в стране накануне трагических происшествий августа.

Уже к июлю 1917 года в верхах России явно присутствовала патовая ситуация. Временное правительство (второго состава, где пост военного министра занял бывший адвокат Александр Фёдорович Керенский) уже не управляло страной, министры его один за другим подавали в отставку. Июньское наступление русских армий на Юго-Западном фронте захлебнулось, несмотря на присутствие в войсках (правда, не на передовой) самого военного министра Керенского. Русские части шли в наступление на германские позиции, но так как немцы обладали подавляющим преимуществом в тяжёлой артиллерии, то наступление обычно заканчивалось поголовным “выкашиванием под гребёнку”, как говорили тогда, целых полков нашей армии. Но Керенский был доволен — угроза наступления немцев на Западном фронте в Европе, где войска Германии уже стояли в пригородах Парижа, была снята. Россия ещё раз жертвовала своими сынами ради спасения “европейской цивилизации”. Как тут не вспомнить, что там, в Европе, защищая “прекрасную Францию” сражался русский 400-тысячный корпус и не оставлял своих позиций, как это сделали, к примеру, два взбунтовавшихся корпуса французской армии весной 1917 года, фактически, открыв немцам дорогу на Париж. Потому-то представители союзников России по Антанте, буквально, и “не слезали” с Керенского, постоянно требуя от него наступления и наступления, а Керенский метался по фронтам и не жалел красноречия, уговаривая солдат идти в бой, за что и получил от них прозвище “главноуговаривающего”.

Сам Александр Фёдорович Керенский (земляк Владимира Ульянова-Ленина из Симбирска, кстати говоря, их родители дружили семьями) известный депутат Государственной Думы, был деятелем неясной политической ориентации. В годы первой русской революции он примыкал к эсерам, даже, судя

по его собственным воспоминаниям, в 1905 году намеревался вступить в террористическую организацию эсеров под крыло зловещего Азефа. Но террористы не захотели с ним иметь дело, сочтя его человеком легкомысленным, хотя он успел за хранение нелегальной литературы отсидеть несколько месяцев в “Крестах” в Петербурге. Выйдя на свободу, занялся адвокатской деятельностью, где заработал славу непревзойдённого оратора, выступал и в политических процессах. Вскоре он стал членом Государственной Думы, входя в фракцию трудовиков. Настоящее его время пришло вместе с волнами Февральской революции. Эти волны подняли его на гребень истории. Представляясь “левым”, едва ли не самым левым в широком спектре думских деятелей, он в судьбоносные февральские и мартовские дни метался между разными крыльями Таврического дворца в Петрограде – между Временным комитетом членов Государственной Думы, преобразованным вскоре во “Временное правительство” и Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (Совдепом) – органом победивших революционных масс. И там и тут он был к месту, умея завоевать своими пылкими речами о свободе внимание как простых рабочих и солдат, так и представителей буржуазии. Он считался, не притворяясь конкретно ни к какой партии, так сказать, демократом широкого спектра, “заложником свободы”, как сам себя позиционировал. Носил полувоенный мундир без знаков различия, усвоил наполеоновские жесты и позы, произносил страстные речи, входил в раж, впадал в “истеричку”, как отмечали тогдашние газеты, как плохой трагический актёр то возвышал до крика, то понижал до шёпота свой ораторский голос, но производил впечатление на возбуждённую невероятными делами революции публику. Потерявшие дисциплину солдаты вальяжно аплодировали ему, дамы засыпали цветами, члены Временного правительства, солидные господа, посмеивались, но и побаивались отчасти ретивого своего коллегу.

После отставки Гучкова он занял во втором составе Временного правительства пост военного министра, был инициатором наступление войск Юго-Западного фронта, где судьба свела его с генералом от инфантерии Лавром Георгиевичем Корниловым, невысоким крепким казаком с ярко выраженными монгольскими чертами лица.

Рассказывая о корниловском мятеже, нельзя прежде не остановиться на необычной личности самого генерала, поскольку Лавр Георгиевич для истории гражданской войны в России – фигура ключевая, он, собственно, и стал зачинателем, инициатором этой войны. Он и Ленин, конечно, два антипода, два столпа гражданской смуты.

Удивительно, но у обоих этих наших вождей была одна общая черта – в жилах и у того, и у другого текла калмыцкая кровь. Бабушкой Ленина, матерью его отца, была астраханская калмычка, а родословная Корнилова туманна и разными историками освещается по-разному, но есть свидетельство, что он был по происхождению калмыком и в детстве носил калмыцкое имя Лавга, но был усыновлён урядником Сибирского казачьего войска Георгием Николаевичем Корниловым, крещён с именем Лавр, воспитан в русской казачьей семье в городе Зайсане, а в 13-летнем возрасте отправлен на учёбу в Омск, в кадетский корпус. Есть и другие версии происхождения Лавра Георгиевича, но его откровенно восточные черты лица не оставляют сомнений, что в роду прославленного генерала были представители монголоидных народов.

Лавр Корнилов ещё в кадетском корпусе поража́л всех своими природными способностями и, хотя не отличался большой физической силой, был небольшого роста, но снискал всеобщее уважение своей способностью к наукам и безупречной честностью, а также обострённым чувством собственного достоинства. Никаких насмешек по отношению к себе, а также высокомерного тона он не допускал, мог осадить даже старшего по званию, за что имел низкие оценки по поведению. Но всё перекрывалось его талантами в точных науках, особенно в математике, что обеспечило ему поступление в престижное Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Окончив его с отличием, получив сразу чин подпоручика, он имел право выбрать себе место службы и выбрал... пустыни Средней Азии, Восточный Туркестан – наиболее неисследованную часть азиатских владений России. Всё же влекла его Монголия, родина его предков! Он служит офицером в артиллерийской бригаде,

а затем подаёт документы в Академии Генерального штаба – самое престижное военное учебное заведение России. Как сложно туда было поступить, как тяжело учиться – читайте у Куприна, у Пикуля, но зато и выходили из стен Академии офицеры высочайшей квалификации, что составили славу русской армии. Вот и Корнилов был в их ряду. Окончив Академию, он вновь отправляется в Восточный Туркестан, но уже как офицер разведки Генерального штаба и возглавляет несколько труднейших экспедиций в пустыни и неизвестные горы Уйгурии и Западного Китая, а также в безводные степи Восточного Ирана, вдоль опасных границ Афганистана. Он первый открывает миру и России эти загадочные земли в глубинах Центральной Азии. Возможно, он бы и остался в памяти потомков как смелый путешественник и исследователь, как Семёнов Тянь-Шанский или Пржевальский, но Лавр Георгиевич Корнилов был прежде всего воин, солдат, и грозные события начала XX века не оставили ему выбора – его ждали поля сражений.

Воевал в Манчжурии, сражался под Мукденом, прикрывая отход наших сил, прорывался штыковой атакой сквозь позиции японцев – везде он был в гуще боя со своими солдатами, полностью на равных с ними, в передних рядах. Вероятно, этим он был похож на Суворова – беспримерной храбростью, самоотвержением, умелым тактическим маневрированием на поле боя. Но новым Суворовым он не стал, ему не хватало стратегического таланта, умения предвидеть события на два, на три хода вперёд, что отличает вообще военных гениев, таких как Суворов, Кутузов, Наполеон или Брусилов, который, кстати говоря, Корнилова не любил (хотя и ценил его храбрость) именно за отсутствие дальнего расчёта, часто приводившего этого полководца к досадным поражениям после, казалось бы, первых блестящих побед.

Так, в ноябре 1914 года 48-я дивизия под командованием Корнилова смелой атакой прорвала укрепления австрийцев на неприступных склонах Карпат и прорвалась на венгерскую равнину. Однако заходить туда не следовало бы, ведь там, на равнине, потрёпанную дивизию Корнилова окружили многочисленные венгерские войска, так что остаткам корниловской дивизии пришлось с тяжёлыми потерями пробиваться назад, через Карпаты, бросить все свои орудия, всё снаряжение и плоды геройской победы оказались утраченными. За этот недалёковидный манёвр Брусилов, командующий армией, даже хотел отдать Корнилова под суд, но не стал этого делать, учитывая беспримерную личную храбрость генерала Лавра Корнилова и необычную любовь простых солдат к своему командиру. Однако и в дальнейшем Лавр Георгиевич совершенно не считался с потерями в своих частях ради достижения быстрого успеха, оттого этот успех иногда оказывался пирровым... Этот недостаток стратегического таланта у Корнилова роковым образом отразится и на его политической судьбе.

В апреле 1915 года, прикрывая отход брусиловской армии из Карпат, дивизия Корнилова (прозванная к тому времени “Стальной”) погибла практически вся, сам Корнилов возглавил один из батальонов и сражался на поле боя, как лев, но был взят в плен австрийцами. Возможно, это и было его предназначением – командовать батальоном, полком – не более. Уже дивизия была для него слишком обременительной заботой. Он мог послать свою дивизию на смерть, но ведь не в этом заключается талант стратега, стратег должен не только погибнуть со славой, но и найти выход из ситуации, если надо – обмануть противника, добиться победы не только своей личной храбростью, но и силой предвидения и анализа сложившейся ситуации. С этим у Корнилова было туго, что доказывает бесславное его командование всеми вооружёнными силами России на посту Верховного главнокомандующего. Путь к этой высшей должности у Корнилова шёл через австрийский плен, из которого он бежал в июле 1916 года и сразу же был принят императором в Ставке. Орден Святого Георгия 3-й степени, всероссийская слава, пост командующего армейским корпусом на Юго-Западном фронте – всё сразу обрушивается на недавнего австрийского узника. Император делает на него ставку. В планах царя назначить Корнилова командующим Петроградским военным округом, явно для того, чтобы подавить начинающуюся революцию. Поразительно то, что, получив этот пост и прибыв в Петроград на место растерявшегося генерала Хабалова, Корнилов первым делом... арестует в Царском Селе всю императорскую семью, не дав возможность ей выехать

подальше от мятежного Петрограда. А ведь отречение императора Николая II свершилось во многом ещё и потому, что царь опасался за жизнь своих близких — жены и детей, попавших в руки так преданного ему, как казалось, генерала. Итак, путь царской семьи на Голгофу начался с подачи неистового врага большевиков генерала Корнилова, а закончен был рукой отпетого большевика Юровского в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге... В истории не бывает ничего случайного.

Революция рождает иллюзии быстрого успеха, достижения недостижимо-го. Какой политический деятель не мнил себя немного Наполеоном в это время. Керенский ходил, заложив руку за борт френча, как Бонапарт. Революционный генерал Корнилов посматривал на него с усмешкой, но тоже готовил для себя эту роль. Его время пришло, когда подал в отставку Верховный главнокомандующий Алексей Алексеевич Брусилов, после неудачного июньского 1917 года наступления на Юго-Западном фронте.

Надо отдать должное генералу Корнилову, в условиях нарастающего развала он сумел жёсткими мерами восстановить боеспособность своих войск и армия, руководимая им, нанесла сильный удар по фронту австрийцев. К сожалению, небольшое продвижение русских войск на австрийском фронте на Ломницу тут же нивелировалось разгромом нашей 11-й армии и прорывом противника на Тернополь. Корнилов слал страшные телеграммы в Ставку: "Армия обезумевших тёмных людей бежит..." Под этим предлогом он требовал введения смертной казни и на фронте, и в тылу. Керенский позже в своих воспоминаниях утверждал, что положение в нашей армии было не столь катастрофическим, как преподносил Корнилов, что армия сохраняла боеспособность, но тогда, в июне 1917 года Керенский добивается назначения Лавра Георгиевича командующим Юго-Западным фронтом и производства его в чин генерала от инфантерии. Брусилов как Верховный главнокомандующий противился этому назначению, зная отрицательные черты характера Корнилова, но ничего сделать не мог — он сходил со сцены.

19 июля (по старому стилю), после окончательной отставки Брусилова, Корнилов был назначен Керенским, к тому времени Председателем правительства, Верховным главнокомандующим русской армии. Лавр Георгиевич занял пост, который до него занимал сам император, затем, после Февральской революции, такие прославленные генералы, как Алексеев и Брусилов. Но если Брусилов не вникал в политику и не имел никаких политических амбиций, то Корнилов сразу же поставил себя не только как военачальник, он заявил о своих государственных претензиях, явно позиционируя себя как "спасителя России". Особенно это стало ясно всем после известного Государственного совещания.

Государственное совещание в Москве в августе 1917 года было собрано Керенским на волне своей славы и власти. Чувствуя силу, этот ловкий политик пытался предстать перед всей Россией как объединитель нации, но так уж получилось, что большая часть левого спектра российских политических сил на этом совещании представлена не была. В Москве, в Большом театре не было большевиков, там почти не было рабочих и представителей беднейшего крестьянства, а эти два класса и были основной средой работы большевиков, и здесь большевики достигли больших успехов, так, в момент открытия Государственного совещания, в Москве бастовали до 400 тысяч рабочих. Забастовали трамвайщики и даже извозчики, так что многим делегатам этого совещания пришлось добираться до Большого театра пешком. В этом было какое-то грозное предзнаменование: "Смотрите, господа, пешочком найдите!" Совершенно очевидно, что большевики и союзные им левые эсеры в это время имели подавляющее влияние на мнения и настроения народных масс, и недопущение их Керенским на Государственное совещание в Москве, делало это совещание недееспособным, оно не могло сплотить нацию, так как воспринималось народом как совещание только имущих классов, чуждых интересам бедных слоёв населения, а таковых было большинство в разорённой войной России.

Но зато трибуну Московского совещания очень активно использовал новый Верховный главнокомандующий генерал Корнилов. Он покинул Ставку в Могилёве и прибыл в Москву в сопровождении генералов Крымова и Каледина для того, чтобы выступить в Большом театре. Офицерство и московская

буржуазия устроили ему пышную встречу на вокзале. Верховного вынесли из вагона на руках. Корнилов сразу же с вокзала отправился к Иверской, так делал только император, прибывая в Москву. В Большом театре Корнилов появился лишь на следующий день с эскортом автомобилей, с охраной, вооружённой пулемётами. Выступление его на совещании было трагическим. С кровавой слезой возопил Верховный о состоянии армии. Потребовал ввести смертную казнь не только на фронте, но и в тылу, ликвидировать солдатские комитеты, но самое главное — фактически передать ему всю власть, не только военную, но и гражданскую. Иначе, утверждал Корнилов, будет полный развал фронта и первое, что должно случиться, — это будет сдача Риги.

Слова его оказались пророческими, вскоре после закрытия Московского совещания Рига была сдана. Германские войска без больших усилий заняли этот важный и сильно укреплённый узел обороны. Решение о сдаче Риги немцам принял сам Верховный главнокомандующий Корнилов. Это было странное и непонятное решение. Ригу можно и нужно было бы удерживать, ведь после сдачи этой ключевой позиции немцам открывалась прямая дорога на Петроград. Что Корнилов сдал Ригу по своей воле — подтверждает следующий документ:

“Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведёт в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии”. — Это из донесения посла Румынии Дамианди главе своего правительства Братиану.

Но неужели Верховный главнокомандующий и славный боевой генерал Корнилов оказался предателем? Нет, всё обстояло гораздо сложнее — Корнилову не хватило стратегического ума, он не понял, что сдача без боя сильной крепости врагу не поднимет боевой дух солдат и “восстановит дисциплину”, а наоборот, разрушит её. Что после этого войска уже не так ретиво будут исполнять его приказы, и значит грядущая попытка Верховного захватить высшую власть в России будет неизбежно обречена на провал. Ведь нежелание войск выполнять приказы будет сковывать инициативу и самого главнокомандующего.

Действительно, все действия Корнилова по овладению Петроградом и смещению Керенского с самого начала носили характер какой-то странной нерешительности и нервозности. Началось всё с того, что Корнилов направил к Керенскому в Петроград своего представителя — обер-прокурора Священного Синода Владимира Львова — человека гражданского, далёкого от военных дел, чтобы тот уговорил Керенского оставить пост Председателя кабинета министров Временного правительства и передать всю власть в стране в руки Корнилова, то есть военным, так как это было единственным средством спасти страну от грядущего “большевистского переворота”. Керенский в своих воспоминаниях пишет, что угроза эта была реальной, так как Корнилов, по соглашению с Союзом офицеров, направил в Петроград несколько боевых групп, которые должны были спровоцировать конфликт с большевиками на улицах Петрограда, создав предлог для ввода в столицу казачьих подразделений и объявления военной диктатуры для “спасения отечества”.

Но тут интуиция опять подвела генерала Корнилова. Он-то считал, что Керенский легко сдаст ему власть, а за это получит должность министра в будущем правительстве военного диктатора. Но Керенский был вовсе не так прост, он сам метил в Наполеоны. Его считали “молодым диктатором”, несущимся как “жаркий вихрь”, как утверждала в своих стихах Марина Цветаева. Корнилов же позиционировал себя “сыном казака-крестьянина”, суровым солдатом. Итак, два потенциальных диктатора в России, два Бонапарта. Могли ли они ужиться вместе в одном правительстве? Разумеется, нет. И решительная схватка между ними началась сразу же после Московского совещания.

Генерал Крымов, командующий 3-м казачьим корпусом, расквартированным в районе Великих Лук, получил приказ Главковерха Корнилова наступать на Петроград “с целью предотвращения большевистского мятежа”. В это время (26 августа) Владимир Львов из ставки и прибыл к главе Временного правительства Керенскому с устным “ультиматумом”, но Керенский попросил

его занести этот ультиматум Корнилова на бумагу, а потом тут же арестовал неудачливого генеральского посланца.

Вот текст ультиматума в записи Львова:

“1. Объявить г. Петроград на военном положении.

2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.

3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим”.

В дальнейшем Корнилов будет уверять, что никакого ультиматума он Керенскому не предъявлял, что это были только “пожелания”, сформулированные Львовым в произвольной форме, но ведь выдвижение войск генерала Крымова на Петроград реально началось, а после опубликования приказа Керенского, разосланного по телеграфу, о смещении Корнилова с должности Верховного главнокомандующего и передачи военной власти генералу Лукомскому, вышел известный приказ Главковерха Корнилова, в котором декларировалось:

“Телеграмма министра-председателя за № 4163, во всей своей первой части, является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Алексей Аладыин. Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества. Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Я, генерал Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путём победы над врагом — до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы, и выберет уклад новой государственной жизни. Предать же Россию в руки её исконного врага, — германского племени, — и сделать русский народ рабами немцев, — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!”

Прошу прощения у приверженцев генерала Корнилова, которых, как я знаю, немало и в современном российском обществе, идеализирующих этого политического деятеля, но ничего кроме крикливого лукавства в этом тексте усмотреть нельзя, ведь известны же распоряжения Корнилова Крымову от 28 августа:

“Выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его:

1. Исключить из своего состава тех министров, которые по имеющимся сведениям были явными предателями Родины.

2. Перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть”.

Корнилов всё продолжает мечтать о “твёрдой власти”, а ведь реально никаких сил у него для осуществления этих планов не было. Казаки конного корпуса Крымова и горцы “Дикой” дивизии вовсе не стремились выступать в роли карателей и убивать петроградских рабочих. В советской литературе преувеличивалась роль большевистских агитаторов, посланных партией в войска Крымова, которые “распропагандировали” казаков не слушать своих офицеров. На самом деле, сами казаки и горцы саботировали распоряжения командования. Корпус Крымова дошёл только до Луги и остановил своё движение. Казаки начали митинговать, воевать никому не хотелось. Но, напуганный действиями Корнилова и особенно его страшными словами о “гибнущей родине”, о желании “умереть на поле чести” Председатель Совета министров, недавний “победитель большевиков” во время июльских событий, кинулся, что называется, в объятия этих самых большевиков. Керенскому, видимо, представилось, что другой защиты у него нет. Лидеры большевиков были выпущены из тюрем, начались перевыборы Советов, в результате которых везде состав Советов кардинально поменялся — в них верх стали брать

представители партии Ленина. Но самое главное – Керенский разрешил большевикам начать формировать отряды Красной гвардии – реальной ударной силы большевистской партии.

Так, пугая самих себя страшными словами и постоянно клянясь в верности Отечеству, два Бонапарта, два потенциальных “спасителя Отечества” фактически уничтожили сами себя и своё Отечество. К власти неминуемо шла “третья сила” – большевики. После провала мятежа генерала Корнилова препятствий для них больше не было.

Немного надо рассказать о дальнейшей участи несостоявшихся “бонапартов”. Александр Фёдорович Керенский, после смещения Корнилова с поста Верховного главнокомандующего, сам займёт этот пост, сохраняя при этом и должность главы правительства. Но перед самым захватом Зимнего дворца в Петрограде большевиками в конце октября 1917 года, бросит своё правительство и бежит из столицы на Северо-Западный фронт в расположенный кавалерийского корпуса, которым командовал в то время казачий генерал Краснов. По иронии судьбы это был тот самый корпус генерала Крымова, который Корнилов посылал на Петроград свергать того же Керенского. Вот только преданного своим командованием Крымова уже не было на свете – он застрелился после провала неудачной авантюры. А у казака Краснова были свои планы – он намеревался стать атаманом “Всевеликого войска Донского” и фактически создать своё казачье государство на Дону. Менять власть в России и свергать большевиков – это были не его интересы.

В октябре 17-го войска Краснова дошли до Гатчины и после недолго боя с революционными матросами Ленина прекратили своё движение на Петроград. К Краснову прибыли делегаты из Смольного и пригласили его к Ленину. И, что же вы думаете? Казачий генерал тут же и отправился туда, и, как он вспоминал в своих мемуарах, получил от Ленина предложение занять пост Верховного главнокомандующего! Попросил несколько дней на раздумье, но после отказался от этой идеи, видя нарастающий в Петрограде революционный хаос. Позже он отправится на Дон, расправится там с местными большевиками, будет избран атаманом всего донского казачества, будет сотрудничать с германскими оккупационными войсками и после немецкой революции в ноябре 1918 года уедет в Германию, передав власть на Дону денкинцам.

А Александр Фёдорович Керенский еле спасётся в Гатчине от рук взбунтовавшихся казаков, намеревавшихся сдать его большевикам, сбежит с несколькими спутниками в ближайший лес и там укроется у сочувствующих ему людей на какой-то лесной даче. Просидит там, как мышь в подполе, до весны, а весной вновь объявится в большевистском Петрограде, спокойно расхаживая везде, не опасаясь быть узнанным, так как отрастит огромную бороду. Читайте его воспоминания, и вы найдёте там много интересного, ведь как уверяет нас сам Александр Фёдорович, он в таком виде съездит и в Москву, и в Финляндию, и нигде (можно ли себе это представить?) он, ещё недавно Верховный главнокомандующий, не будет узнан агентами ВЧК. Потом спокойно сядет в поезд на Финляндском вокзале в Петрограде и отбудет в Мурманск, где на английском корабле отплывёт на Запад. Навсегда. Можно ли всему этому верить?.. Александр Фёдорович никогда не забывал, что он герой, вот только русский народ его не понял и не дал спасти “несчастную Россию”. Увы.

А вот судьба генерала Корнилова сложится куда как трагичнее. Смещённый с поста Верховного после неудачного похода на Петроград, заключённый в военную тюрьму в городе Быхове вместе с группой преданных ему офицеров, он покинет эту тюрьму, освобождённый распоряжением генерала Духонина, начальника штаба Ставки. Генерал Духонин поплатится за это своей жизнью – его поднимут на штыки революционные матросы, когда захватят Ставку... Корнилов, сопровождаемый преданными ему кавалеристами-текинцами из числа его Дикой дивизии, пробыётся на Дон, где к тому времени генерал Алексеев начнёт формирование Добровольческой армии. Корнилов встанет во главе этой армии, которая напоминала, скорее, не армию, а партизанский отряд, сплошь составленный из офицеров ударных частей, что начал создавать Корнилов ещё на Юго-Западном фронте летом 1917 года. Части эти были малочисленны и погоды на фронте не делали, но теперь они после развала фронта и заключения Брестского мира почти в полном составе отошли на Дон. Эти части и составили ядро будущей Белой армии. Однако

в начале холодной весны 1918 года к этому формированию ещё не присоединились казаки, и малочисленная (до 4 тысяч бойцов) “армия” (фактически, лишь дивизия) Корнилова уйдёт по ледяным дорогам от Дона на Кубань. Страшные лишения претерпят офицеры-добровольцы во время этого “Ледяного” похода на пути к Екатеринудару. Крайне ожесточённый всеми бедствиями, обрушившимися на него и на русское офицерство, Корнилов выпускает приказ: *“Я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!”*

Бессудные расстрелы и расправы с пленными красноармейцами устлали весь путь добровольцев на Кубань. Разумеется, и красные отвечали им такой же жестокостью. Так началась страшная война на истребление русских русскими... Сам Лавр Георгиевич, начавший эту бойню, так и не смог взять Екатеринудар. Он посылал на смерть полки своей армии, которые теряли до половины личного состава, не задумываясь о потерях. Накануне своей гибели, он собирался лично повести офицерский полк на пулемёты красных. Это был уже отчаявшийся, готовый к смерти человек...

Новоявленные Бонапарты и несостоявшиеся диктаторы довели Россию до братоубийственной войны.